

УСПЕХИ, ПАРАДОКСЫ, ВОЗМОЖНОСТИ

К ИТОГАМ 203-го
ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

Областной драматический театр им. А. В. Луначарского закончил свой 203-й сезон. В нем начинаются традиционные летние гастроли, и калужане обмениваются на этот месяц творческими трунами с калужинградцами. А пока коллектив совершит поездки по области, показывая свои спектакли труженникам села.

В конце сезона на нескольких спектаклях театра побывал московский театралыный критик П. А. Аркадьев. Сегодня мы предлагаем нашим читателям его статью, в которой он высказывает свои впечатления по поводу этих работ.

ЗРИТЕЛЮ, который, подобно мне, впервые встретился с Калужским драматическим театром, сразу же становится ясным: перед ним театр давних и крепких традиций, с хорошей труппой, в которой есть несколько просто замечательных актеров, театр, который хочет быть интересным для зрителя.

Случилось так, что первым спектаклем, который мне довелось увидеть, был «Любовь — книга золотая» А. Толстого. Скажу прямо: впечатление от него, хоть он и не главный в репертуаре и не находится, как мне кажется, на магистральной линии интересов коллектива — впечатление это окрасило все последующие спектакли. Вот уж поистине тот случай, когда в спектакле масса огрехов по части вкуса, темпоритма и вообще режиссерского понимания задач развлекательного спектакля. А вот ведь, вопреки всему этому, он остается в памяти.

Пьеса эта со времени первой студии МХАТа ставилась, кажется, лишь один раз в Вильнюсском русском драмтеатре. «А мы докажем, что пьеса интересна и нужна сегодня», — как бы говорит спектакль Калужского театра. И в общем — доказывает. Режиссер Р. Соколов, конечно же, идет от иронии, заправленной пьесой. Но лукавство стилизации Толстым екатерининской эпохи он использует как повод для разговора о вещах вполне современных и насущных. Писудите сами: мысль о том, что за ложными, фальшивыми ценностями, за блеском и мишурой часто люди не видят подлинное, настоящее и тем самым трагически обещают свою жизнь, — разве эта мысль не современна, не нужна нашему зрителю? Спектакль буквально пронизан ею. Быть может, даже настолько наглядно она «видна» в спектакле, что превращает его иногда в некую иллюстрацию идее, а это уже досадно.

Волшебное ироническое «прочтение» режиссером пьесы все же оказалось грубее литературной основы. Пьеса тоньше, изящнее. В спектакле же немало вульгарных переделов, нецелесообразных комичностей, желания расмешиить зрителя не лучшим способом. Но через все это, орожившаяся, пробивается живая, веселая, заразительная струя, несущая радость общения с интересными актерами и возможность легко и без натуги подумать о себе: а каков я сам? В спектакле хоронит многие, а больше всего засл. арт. РСФСР В. Романовский в своем целевом, смешном и жалком князе.

А вот парадокс. «Мы, никеподинсавиниеся» А. Гельмана в режиссуре того же Р. Соколова — спектакль во многом более стройный и цельный, чем предыдущий, говорящий о разнообразии возможностей постановщика, оказался эмоционально обедненным, каким-то усредненно-правильным. В нем больше рационально-механического, чем страстно-заинтересованного отношения к той драматической ситуации, в которой оказался главный герой Лена Шиндин (арт. В. Логвиновский). И хотя актер в общем убеждает нас в том, что его Шиндин скорее умрет, чем согласится на компромисс с подлостью, ложью, несправедливостью, все же в этой работе больше хорошего актерского умения, чем подлинно человеческого несогласия отрицания всякой фальши. Говоря так, я вовсе не затерившую значения работу артиста. Просто роль его несет на себе отпечаток атмосферы, царящей на сцене. Атмосферы, я бы сказал, несколько пониженного эмоционального давления. А хочется большего волнения, тревоги, драматизма.

Печально интересны, трудных размышлений о не-

простых, противоречивых явлениях пашей жизни отмечен и спектакль по пьесе В. Распутина «Последний срок». Пожалуй, именно в нем фокусируются наиболее глубокие привязанности режиссера Р. Соколова, его коренные, самые главные интересы как художника. Спектакль говорит о самом важном: о жизни и смерти, о Родине, о наших корнях, о любви, о доброте, о святом чувстве привязанности к матери и о многом другом, что трудно выразить словами, но отчетливо и сильно ощущаешь в спектакле. История умирающей старухи, последний срок ее жизни становится историей целой семьи, историей ее детей, в которой пережито многое: высокое и низкое, правда и ложь, святое и подлое, чистое и уже замутиненное жизнью. В спектакле бьется живая, непродуманная жизнь со всей ее суровой правдой и болью.

И хочется, чтобы заявленная высота его нигде не снижалась, чтобы все было на уровне той высокой задачи, которую поставил перед собой сам коллектив. И поэтому досадно, что интересно задуманной и во многом верно внешне прочерченной роли Старухи пока еще не хватает глубокого духовного и душевного наполнения. Засл. арт. РСФСР И. Блакнова много шагла по части высшей выразительности, голоса, пластики, но вот внутренне она еще несколько примонитнейно трактует свою героиню, не насыщает ее, физически немощную и смерти, необходимой силой духовности, которая только

и держит ее у кромки жизни.

В спектакле немало актерских удач, главными из которых и назвал бы работы Н. Добриковой в роли Мироники и Т. Глеклер в роли Варвары. Каждая из них нашла для своих героинь поразительно интересный образ, наполнив его характерными, яркими деталями, выразительными подробностями — живой жизнью. Надолго запоминается «дуэты» Старухи и Мироники, в которых артистки проявляют удивительную одухотворенность. В беседах двух старинных задуманных подружек на пороге смерти столько простой человеческой мудрости, глубины, неброской любви друг к другу, благодарности за дружбу, вечную и бескорыстную, столько скрытой нежности ко всей окружающей их жизни, что, право же, щемит в горле и накатыивались слезы. Это были высокие минуты искусства, ради которых люди и идут в театр.

Калужский театр может многое. Настолько, что не боится быть разным. Сегодня он может поставить «Филумену Мартурано» Эдуардо де Филиппо, искрящийся заразительный спектакль (режиссер В. Яушин), в котором блистает заслуженная артистка РСФСР Т. Евдокимова, а завтра «Последнее дело судьи» В. Железникова (режиссер Е. Денсков), в котором та же актриса, улы, тускла, неинтересна, как тускл и неинтересен весь спектакль. Театр может позволить себе сегодня покорить зал, а завтра удручить, опечалить его. Но зачем театру плохой спектакль? В таких случаях всегда жаль актерского таланта, расстраченного впустую, сна, ушедших на зряное дело. Зато у Евдокимовой в своей Филумене была настолько сильная и впечатляющая работа, что можно было бы назвать это моноспектаклем, если бы не было в нем немало других актерских удач.

Трудно было соответствовать такой Филумене. Но Доминико Соррано в исполнении засл. арт. РСФСР Г. Шевченко сумел это. Иронически и немного с сочувствием показывает нам артист своего старшего сердца, который никак не может расстаться с шалостями и грезами давно ушедшей молодости.

Впечатления от Калужского театра были бы не полными, если бы я не упомянул о спектакле совсем молодого режиссера В. Дьякова «Мун Габриэль Борман», которым он защищал свой диплом ГИТИСа. Первая работа постановщика достаточно профессиональна. Хотя, скажу честно, спектакль во многом еще иллюстративен, пока он не выходит за рамки семейной истории, в нем мало еще социально-обобщенного, чего требует драматургия Ибсена, но все же он искренне и страстно говорит о важнейших человеческих проблемах.

Разумеется, шесть спектаклей — это не весь театр. Но мне показалось, что они достаточно характерны для творческого лица Калужского драмтеатра и в чем-то выявляют его своеобразие и несхожесть с другими коллективами. Я уже говорил: театр этот может многое. Безусловно, последняя работа сезона — спектакль по пьесе Шатрова «Синие кони на красной траве», где актерам пришлось сопрякаться с ленинской темой, — свидетельствует как раз об определенном творческом потенциале коллектива. Спектакль этот, в сущности, только начал свою жизнь на сцене. Пройдя стадию взросления, он, конечно, найдет должный отклик у калужского зрителя.

П. АРКАДЬЕВ.